

объекта всех бессмертных мыслей; забывая, что эта Церковь, которую он безумно претендует низвергнуть и которая, конечно, в отношении ее нравов, обычаев и форм, не стоящих на высоте века, оставляет много желать, есть тем не менее божественное установление, основанное, как и Государство, людьми боговдохновенными, и что еще и теперь она есть единственное возможное проявление Божества для *невежественных масс*, неспособных возвыситься до Бога самопроизвольным развитием их спящего еще интеллекта.

Это заблуждение философского ума, как ни плачевны его результаты, было, вероятно, необходимо для пополнения его исторического воспитания. Вот почему, несомненно, Бог потерпел его. Предупрежденный трагическим опытом минувшего века, философский ум знает теперь, что, разнудывая свыше меры принцип критики и отрицания, он шествует к пропасти и придет к уничтожению; что этот принцип, совершенно законный и даже спасительный, когда он прилагается с умеренностью к переходящим и человеческим формам божественных вещей, делается мертвым, ничтожным, бессильным, смешным, когда он нападает на Бога. Он знает, что есть вечные истины, которые выше всякого доверия и всякого доказательства и которые не могут даже быть предметом сомнения, ибо, с одной стороны, они нам раскрыты мировым сознанием, единодушным верованием веков и что, с другой стороны, они находятся в качестве *врожденных идей* в уме всякого человека и настолько свойственны нашему сознанию, что достаточно нам углубиться в самих себя, в наше интимное существо, чтобы они появились перед нами во всей своей простоте и во всей своей красоте. Эти основные истины, эти философские аксиомы суть: *существование Бога, бессмертие души, свободная воля*. Не может, не должно быть вопроса о том, чтобы оспаривать их реальность, ибо, как это столь прекрасно доказал Декарт, эта реальность нам дана, нам навязана тем самым фактом, что мы находим все эти идеи в сознании, которое наша мысль имеет о себе самой. Все, что нам остается сделать, — это понять их, развить их, согласовать в стройную систему. Таково единственное назначение философии.

И это назначение, наконец, совершенно осуществляется системой г. Виктора Кузена. Отныне мыслитель будет поклоняться Богу в духе и сможет даже освободить себя от всякого другого культа. Он имеет полное право совсем не посещать церковь, если только он не считает полезным идти туда ради своей жены, ради дочерей или *ради людей*. Но будет ли он посещать ее или нет, он всегда будет относиться с почтением к учреждению и даже к культу Церкви, какими бы отжившими ни казались ему ее формы: во-первых, потому, что даже эти формы и ложные идеи, которые они отчасти вызывают в массах, вероятно, еще необходимы для того состояния невежества, в каком находится сейчас народ; во-вторых, потому, что, резко нападая на эти формы, можно пошатнуть те верования, которые при довольно несчастном положении, в каком находится народ, составляют для него его единственное утешение и единственную моральную узду. Он должен, наконец, уважать их потому, что Бог, которого Церковь и народ обожают под этими нелепыми формами, есть тот самый Бог, перед которым почтительно склоняется величаявая глава доктринера-философа.

Эта утешительная и успокоительная мысль была прекрасно выражена одним из наиболее знаменитых представителей доктринерской Церкви, самим господином Гизо, который в одной брошюре, опубликованной в 1845 или 1846 г., весьма радуется тому, что божественная истина так хорошо представлена во Франции в ее самых разнообразных формах: Католическая Церковь, говорит он в этой брошюре, которой у меня нет под руками, дает нам ее в форме авторитета, Протестантская Церковь — в форме свободного исследования и свободы совести, и университет — в форме чистой мысли. Нужно быть очень религиозным человеком — не правда ли? — чтобы осмелиться говорить и печатать подобные глупости, будучи в то же время человеком умным и ученым.

11. Борьба, поставившая в оппозицию метафизиков и теологов, возобновилась в мире интересов материальных и политики. Это — памятная борьба народной свободы против власти Государства. Эта власть, как и власть Церкви в начале истории, была, разумеется, деспотической. И этот деспотизм был спасителен, ибо народы вначале были слишком дики, слишком грубы, слишком мало зрелы для свободы — они еще так мало зрелы в настоящее время! — слишком мало еще способны склонить свою шею под иго божественного закона, как это делают теперь немцы, и добровольно подчиниться вечным условиям общественного порядка. Так как по природе человек ленив, необходимо было, чтобы внешняя сила толкала его на труд. Этим объясняется и узаконивается институт рабства в истории не в качестве вечного института, но как временная мера, продиктованная самим Богом и ставшая необходимой по причине варварства и извращенности природы людей — как средство исторического воспитания.